

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОГО ХРОНОТОПА ГОТИЧЕСКОГО РОМАНА

*Работа представлена кафедрой теории языка и переводоведения
Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов.
Научный руководитель - доктор филологических наук, профессор И. Б. Руберт*

В статье автор обосновывает и демонстрирует возможность изучения хронотопа с точки зрения его воплощения через интертекстуальные включения, особенность функционирования последних позволяет говорить о них как об одном из способов построения определенного жанра, в данном случае готического.

In the article the author presents and proves a possibility of studying of chronotopos from the point of view of its realisation through the intertext; the functioning of the latter makes it possible to speak of its power to constitute a particular genre, for example the gothic one.

Статья посвящена рассмотрению проблемы хронотопа как образа времени, пространства, человека, с одной стороны, а с

другой - как движения текста, т. е. как ощущение динамики развития сюжета, которое создается у читателя. Подобная двоякость

не противоречит единой концепции хронотопа, так как демонстрирует разнонаправленные действия: автор -> произведение, читатель -> произведение. Хронотоп как образ является результатом творчества автора, цель которого максимально точно донести художественный замысел произведения. Хронотоп как движение является скорее категорией восприятия художественного повествования читателем. Хронотоп признается текстовой универсалией, например, такими исследователями, как И. Р. Гальперин¹, В. А. Кухаренко². Хронотоп формируется целым рядом приемов. Прежде всего формирование происходит ядерными элементами: лексика с локально-темпоральной тематикой, развернутая система времен в английском языке, а также динамика развития сюжета и смена композиционно-речевой формы. И. Р. Гальперин отмечает, что хронотоп как движение заключается в прерывности и непрерывности хода повествования. Прерывание хода повествования происходит тогда, когда читатель сталкивается с выделенным в повествовании явлением. Выделение в тексте осуществляется перерывом в разворачивании событий и фиксированием внимания на каком-то отрезке текста. И. Р. Гальперин³ сравнивает подобный эффект с кадром, данным крупным планом. В тексте такие кадры представлены описанием, диалогом размышлением автора, цитацией и т. д. При этом важно отметить, что и интертекстуальность принято рассматривать как прерывание линейности текста при восприятии интертекстуальных включений читателем, эту идею подробно рассматривают в работах такие исследователи, как Ж. Женеп⁴, Н. А. Кузьмина⁵, М. Ямпольский⁶. Следовательно, можно сделать вывод, что интертекстуальные включения являются одним из способов создания и организации хронотопа произведения. Так как рамки статьи не позволяют говорить обо всем многообразии функционирования интертекста при создании хронотопа готического романа, следует

остановиться на одном типе интертекстуальных включений - кодовой интертекстуальности.

Кодовая интертекстуальность понимается вслед за И. В. Арнольд⁷ как употребление отдельных слов, словосочетаний или грамматических конструкций, входящих в язык, но принадлежащих к иной стилистической сфере, связанных с типом коммуникации, отличным от представленного в тексте. Исследование функционирования кодовой интертекстуальности при создании хронотопа проводится на материале готических романов ужаса XIX и XX вв., где сверхъестественное персонифицируется в образе антагониста «вампира».

Одной из ведущих черт готического романа как фантастической литературы, по мнению Ю. И. Левина⁵, является прием смешения сна и реальности. Подобный прием может раскрываться в противопоставлении нормы и рассудка необъяснимому, потустороннему, сверхъестественному. Именно поэтому в готической прозе присутствует идеализация средневекового и античного, противопоставление новым развивающимся технологиям и массовой культуре, о чем пишут зарубежные исследователи А. Кук⁹, Д. Вик¹⁰. Неприятие в готическом романе доводов разума как противопоставление современным технологиям и уверенности, что все может иметь научное объяснение, поддерживается столкновением в повествовании языка науки и Библии, о чем подробно пишут П. Гаррегт¹², М. Мадоф¹², Д. Вик¹³. Следовательно, можно говорить о функционально-стилистической группе лексических единиц, принадлежащих научной терминологии.

Текст романа «Граф Дракула» изобилует лексикой, относящейся к разным областям науки, прежде всего к медицине и биологии: zoophagous patient¹⁴ (пациент, который отказался от нормального способа питания и поедает насекомых и крыс), the Achcrontia Atropos of the Sphinges - Death's head Moth¹⁵ (вид бабочки - Мертвая голо-

ва), euthanasia¹⁶ (намеренное прекращение жизни неизлечимо больного человека), hypnosis¹⁷ (состояние человека при гипнозе). Данную терминологию используют в речи герои-протагонисты, противостоящие Дракулс: вампира хотят убить, чтобы спасти его когда-то человеческую душу, т. е. прибегнуть к эвтаназии; Дракулу сравнивают с видом бабочки Мертвая голова, которая ведет ночной образ жизни, а рисунок на тельце и крыльях напоминают череп; диагноз «зоофагус» ставят ученику Дракулы, который находится под наблюдением доктора Сьюарда, Мину вводят в гипноз, чтобы узнать местонахождение Дракулы. Герои повествования стремятся установить и изучить новый вид неизвестного науке существа - вампира. Таким образом, данная лексика характеризует самих героев как ученых: людей, их пространство - научное. Если учесть, что особый интерес к видовому многообразию в биологии и медицине приходится на XIX в., то имплицитно дается характеристика исторического времени, в котором проживают герои-протагонисты.

В произведениях Анны Райе также присутствует лексика, относящаяся к научной сфере: cell division¹⁸, replication¹⁹, organic cells²⁰, predator²¹, tissue²², specimen²³, microscopic cells within the wombs²⁴, procreation and venereal disease²⁵ (деление клетки, редупликация, органическая клетка, хищник, ткани, представитель биологического вида, микроскопические клетки в матке, передающиеся половым путем, и венерические заболевания). Подобную лексику используют протагонисты в попытках познать окружающий мир, проникнуть в тайны его бытия, в том числе и такого феномена, как вампиризм. Вышеперечисленные единицы относятся к научной сфере биологии, генетике. Интерес к генетике и исследованиям в данной области приходится на XX в., поэтому персонажи романов можно отнести к этому периоду времени. Следует отметить, что наука является пространством героев-протагонистов, так как именно они пытаются

дать научное объяснение различным непознанным феноменам.

Если рассматривать лексические единицы, принадлежащие к биологии во всех исследуемых произведениях, то их можно условно разделить на несколько подгрупп:

1) подгруппа, обозначающая биологический вид: the Acherontia Atropos of the Sphinges - Death's head Moth, specimen, predator;

2) подгруппа, обозначающая способ питания: predator, zoophagous patient;

3) подгруппа, обозначающая размножение: cell division, replication, microscopic cells within the wombs;

4) подгруппа, обозначающая заболевание и способ лечения: euthanasia, procreation and venereal disease, hypnosis.

Разделение лексики на подгруппы позволяют сделать вывод о том, что в готическом романе персонифицированное зло рассматривается протагонистами как болезнь, как особый биологический вид, с особым видом питания и размножения. При этом ведутся поиски по исцелению данного заболевания людьми. Однако все попытки людей в рациональном объяснении и борьбы со сверхъестественным научным способом оказываются бесплодными. Следовательно, можно сделать вывод о том, что подобное научное пространство, построенное на доводах логики и разума, является всецело пространством протагониста. Интертекст языка науки имплицитно соотносит персонажей и действие романа с определенным историческим периодом. Антагонист не входит в это пространство, он обитает за его пределами. Таким образом, интертекст языка науки создает хронотоп исключительно героя-протагониста готического романа. Основными характеристиками данного хронотопа являются историчность, т. е. соотнесенность с определенным историческим периодом, ограниченность, так как в нем обитает только герой-протагонист, определенная логичность и последовательность, свойственная науке. Логи-

ческий и последовательный характер хронотопа исключает сверхъестественное объяснение, что предопределяет ограниченность хронотопа, т. е. невозможность существования в нем героя-антагониста. Подоб-

ная характеристика согласуется с требованиями готического жанра: стремление к сверхъестественному объяснению явлений, неприятие и противопоставление развивающимся технологиям и наукам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 2005. С. 87.

² Кухаренко В. А. Интерпретация текста. М., 1988. С. 75.

¹ Гальперин И. Р. Указ. соч. С. 94.

* Женетт Ж. Фигуры. М., 1998. Т. 1. С. 208.

^b Кузьмина Н. А. Интертексти его роль в процессах эволюции поэтического языка. М., 2004. С. 27.

⁶ Ямпольский А/. Память Тиресия. М., 1993. С. 61.

¹ Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб., 1999. С. 417.

"Левин Ю. 77. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998. С. 435.

⁹ Cooke A. Gothic critical concepts in literary and cultural studies. Vol. 1 // Some side lights on the theory of the gothic romance. New York, 2004. P. 22.

¹⁰ Wicke J. Gothic critical concepts in literary and cultural studies. XX century Gothic: our monsters, our pets. Vol. IV // Dracula and its media. New York, 2004. P. 34.

¹¹ Garrett P. Gothic reflections. Narrative force in XIX century fiction. London, 2003. P. 62.

¹² Madoff M. Gothic critical concepts in literary and cultural studies. Vol. 1 // Gothic ancestry. New York, 2004. P. 35.

^a mckeJ.Op.u\ . P. 51.

"Stoker B. Dracula. London, 1993. P. 105.

¹⁵ Ibid. P. 232.

¹⁶ Ibid. P. 280.

¹⁷ Ibid. P. 259.

¹⁸ Rice A. The tale of the Bodythief. London, 1993. P. 98.

¹⁹ Ibid. P. 95.

²⁰ Ibid. P. 95.

²¹ Rice A. The Vampire Lestat. London, 2001. P. 182.

²² Ibid. P. 577.

"Ibid. P. 577.

²ⁱ Rice A. The Queen of the Damned. London, 2000. P. 14.

²⁵ Ibid. P. 17.